

Don't you never try to look behind my eyes
You don't wanna know what they have seen.

Frank Zappa. A Token of my Extreme¹

¹ Куплет из песни американского певца Фрэнка Заппы «A Token of my Extreme» (Никогда не пытайся заглянуть мне в душу через мои глаза, / Тебе лучше не знать, что они видели; «Признак моей крайности», 1979).

РАНЕЕ

Коломба склонилась над Гильтине. Женщина была мертва.

Данте в ярости повернулся к Лео:

— В этом не было необходимости. Никакой гребаной необходимости!

Перезарядив пистолет, Лео подошел к Коломбе:

— Она умерла?

— Да.

«Боже, какая она маленькая», — подумала Коломба.

В Гильтине было не больше сорока килограммов веса.

— Данте, что там взорвалось?

— Старый друг Гильтине пытался обеспечить ей путь к отступлению.

— И ему это почти удалось, — сказал Лео, подобрав брошенный Гильтине нож.

— Лео, ты портишь улики, — сказала Коломба.

— Какой я рассеянный.

Что-то в тоне его голоса заставило Данте вздрогнуть.

— Не трогай ее! — закричал он.

Слишком поздно — Лео пырнул Коломбу в живот и провернул в ране нож.

Желудок Коломбы превратился в лед. Выронив пистолет, она упала на колени. На руки хлынула кровь. Она увидела, как Лео сшибает Данте на пол и наклоняется над Белым. Неспособный пошевелиться от невыносимой боли в области таза, старик со страхом уставился на него.

— Если ты сохранишь мне жизнь, я тебя озолочу, — сказал он.

— До свидания, — сказал Лео по-русски и рассек ему горло равнодушно, словно резал праздничный пирог.

Данте подполз к Коломбе, которая, свернувшись в комок, лежала в луже крови.

— КоКа... — со слезами прошептал он. — Не двигайся. Я сейчас сожму твою рану. Сожму..

Лео схватил Данте и рывком вздернул на ноги.

— Пора идти, — сказал он.

Данте почувствовал, что его внутренний термометр подскочил до десяти, до сотни, до тысячи градусов. Лицо Лео превратилось в темное пятно в углу берлинского медиафасада, потом в лицо прохожего, увидев которого он несколько месяцев назад попал в швейцарскую клинику с психотическим срывом.

— Это ты, — пробормотал он.

— Молодец, братик, — сказал Лео и сдавил ему горло.

Дождавшись, пока Данте потеряет сознание, он взвалил его себе на плечи.

Последнее, что увидела Коломба, была тянущаяся к ней из-за плеча Лео рука Данте. Она хотела сказать ему, что спасет его, что он был прав во всем, что они никогда больше не расстанутся, но произнесла это только в забытии.

Врачи спасли ее, когда она уже стояла на пороге смерти, но к этому времени Лео и Данте бесследно исчезли.

Потребовалось семь дней, чтобы установить, что Лео Бонакcorso никогда не существовал.

Часть первая

КОШМАРЫ

к ней пулям. Данте удается увидеть, как они улитками ползут по воздуху и ударяют ее в спину. Плоть женщины превращается в студень, лицо растекается, улыбка разлетается на осколки. На ее левой ключице и животе вырастают два вулканчика из кожи. Вулканы извергаются, и из них, брызгая кровью и осколками костей, вырываются две пули, прошедшие насквозь. Женщина начинает заваливаться вперед. Позади нее...

Темнота.

Данте в сознании, но не открывает глаза. Сначала он пытается ощутить собственное тело, воссоздать его вопреки волнам боли, которые омывают его с каждым движением. Он понимает, что лежит навзничь со связанными запястьями и щиколотками. Во рту у него что-то кожаное, вокруг бедер — что-то мягкое. Помимо этого, он обнажен. Его интубировали? Он в тяжелом состоянии? Данте вспоминает сон о дизельном двигателе, вибрировавшем внутри его черепа. Это был мотор лодки. Возможно, на ней его доставили в больницу.

Он пытается пошевелить руками, и боль в запястьях возрастает. В кожу впивается что-то острое.

Пластиковые стяжки.

Это самые дешевые наручники на свете, но в больницах обычно не приковывают пациентов. Его не госпитализировали. Он где-то еще.

Он пленник.

Ужас снова отбрасывает его в кинотеатр памяти. Фильм крутится дальше, женщина в зеленом продолжает падать, и Данте видит то, что позади нее. Разбитые стеклянные перегородки, яркую, разноцветную пластиковую мебель, обвалившуюся штукатурку. И тела на полу. Мужчин в смокингах, женщин в вечерних платьях. Сплошь залитых кровью. Галлюцинируя, Данте отдает себе отчет, что видел этот взрыв собственными глазами. Он там был. Он не знает, как давно это случилось. Но знает, что происходило все в Венеции.

Он снова приоткрывает веки, переносится в настоящее и фокусирует взгляд на крошечном огоньке где-то наверху, глядя на него краем глаза, — периферическое зрение чувствительнее к свету. Когда он поворачивает голову, огонек перемещается, исчезает и появляется вновь. Между ним и отсветом какая-то преграда, комната темна, и потолок он видит сквозь какую-то преграду. Лишь в этот момент Данте понимает, что преграда очень близко. Это деревянная решетка.

С вентиляционными отверстиями.

Его заперли в ящике.

2

После разразившейся в Марке снежной бури снова пролилась кровь. Множество деревушек, расположенных между Сибиллинскими горами и крутыми скалами Конеро, отрезало от мира, и службе гражданской обороны пришлось сбрасывать продукты питания с вертолетов. В те дни в хлебах с обрушившимися крышами насмерть замерзли сотни голов скота — в одном случае вместе со своим хозяином.

Несмотря на отдаленность Медзанотте от эпицентра бури, длинную грунтовку, соединявшую деревню с провинциальной дорогой, занесло снегом, и до долины не смогла добраться заправочная автоцистерна, снабжавшая сжиженным газом разбросанные по холмам дома, в том числе и захудалый домишко из серого камня, стоящий на краю десятиметрового обрыва, в самом конце грунтовки. Этот крестьянский дом, построенный в конце девятнадцатого века, от поколения к поколению разрастался и менялся с полным пренебрежением к единообразию стиля. Окна различались по форме и цвету переплетов, пять входных дверей и пристройки были выполнены из разных материалов; при возведении последней бетонной

пристройки строители вместо того, чтобы выровнять площадку, решили вписаться в природный рельеф, таким образом часть дома оказалась двухэтажной, а часть — одноэтажной, что делало его похожим на серый, вкопанный в землю анкер. Дом скрывали от посторонних взглядов торчащие из-под снега худосочные кусты и сорные растения.

В подвале находился котел, изрядно поцарапанный гаечными ключами, которыми в свое время демонтировали трубы для очистки от накипи. Газ поступал туда по длинному трубопроводу, проложенному под садом и идущему от подземного газгольдера, расположенного сразу за оградой, — его-то и должна была наполнить автоцистерна.

В два часа ночи котел всосал в себя последние капли сжиженного газа, старчески закряхтел и погас.

Коломба Каселли продолжала лежать в кровати, прислушиваясь к поскрипыванию остывающих батарей. Это была плечистая тридцатипятилетняя женщина с изменчивыми зелеными глазами и волевыми скулами. Когда-то служившая в римской полиции заместителем начальника мобильного подразделения, она вышла в отставку после того, как призрак вспорол ей живот и похитил Данте Торре — того самого мальчика из силосной башни.

С тех пор прошло пятнадцать месяцев.

Больше о них никто не слышал.

Э

Встав, Коломба с помощью электронагревателя и вчерашнего чайного пакетика заварила чай, надела поверх домашнего костюма старую мохнатую, как Чубакка, парку и вышла на крыльцо. В белизне и холоде бесновался ве-

тер, дорога белой змеей исчезала в молочной пустоте. До слуха Коломбы доносился только шум ветра и карканье ворон.

Она поглубже натянула капюшон, прячась от летящей в лицо ледяной крошки, и быстрым шагом направилась к серому ондулиновому навесу, расположенному рядом с воротами. Спички в захваченном из кухни коробке шуршали в кармане Коломбы в такт ее шагам. Раньше она никогда не растапливала камин, но знала, что где-то среди многолетних завалов мусора под навесом есть поленища.

Однако на полпути она остановилась, увязнув по колено в снегу.

Из-за дровяного сарая тянулась цепочка следов: кто-то перелез через ограду на участок и скрылся за домом.

Коломба не могла пошевелиться, не могла повернуть голову, не могла отвести взгляда от полукружья следов на снегу.

Рука потянулась за пистолетом. Только обнаружив, что в кармане пусто, Коломба вспомнила, что оставила пушку в ящике ночного столика. Первое время после выписки из больницы она брала пистолет с собой даже в постель и просыпалась с привкусом оружейного масла во рту. Какого хрена она перестала так делать?

«Почувствовала себя в безопасности?» — спросил знакомый голос у нее в голове так отчетливо, что Коломбе показалось, будто он раздался за ее спиной.

Ее легкие сжались. Потеряв равновесие и навзничь упав на голые ветки одичавшего розового куста, она глядела в белое небо с единственной мыслью: это конец.

Она ждала удара ножом. Ждала пистолетного выстрела. Ждала боли.

Ничего.

Постепенно к Коломбе вернулось здравомыслие. Нервная дрожь немного улеглась.

Она встала. Лео Бонакcorso — призрак ее прошлой жизни — никогда не оставил бы следов там, где она могла их увидеть. Однажды утром она просто открыла бы глаза и увидела его. Впрочем, он убил бы ее раньше, она не успела бы проснуться.

«Но может, он что-то замышляет. Хочет заманить меня куда-то, чтобы...»

— Прекрати, — пробормотала Коломба, разозлившись на саму себя. — Сумасшедшая, идиотка.

Еще раз взглянув на следы, чтобы убедиться, что они ей не привиделись, она бросилась в дом за «береттой». Сжимая пистолет обеими руками, она по следам незваного гостя добралась до захламленного сарая на заднем дворе. Щеколда была отодвинута, дверь приоткрыта. Внутри, в темноте, что-то шуршало. Коломба взвела пистолет:

— Я тебя видела! Руки за голову и выходи.

Ответа не последовало. Шорох прекратился.

— Не зли меня. Считаю до трех. Раз, два... — Не досчитав, Коломба пробежала пару метров до сарая и распахнула дверь пинком.

В дневном свете среди старой, затянутой паутиной мебели обозначился силуэт массивного мужчины. Чужака загоразивал торец шкафа, и Коломба видела только его спину.

— Выходи, я сказала!

Она шагнула вперед: незванный гость отступил за шкаф, но Коломба успела его рассмотреть. Это был плотный, мускулистый и мясистый тип со светлыми соломенными волосами. Из одежды на нем был только старый спортивный костюм и войлочные шлепанцы. Дрожа от страха, он уткнулся лицом в угол сарая.

— Ты кто такой? Повернись, чтобы я тебя видела.

Парень не двигался. Тогда Коломба подошла к нему поближе и увидела розовое лицо без признаков растительности. Пареньку, тупо уставившемуся в пустоту, было от силы лет восемнадцать.

Не понимая, всегда ли он такой, или она его так сильно напугала, Коломба опустила пистолет.

— Что ты здесь делаешь? Ты потерялся? — спросила она.

Парень не ответил и вдруг неловко, на негнущихся ногах бросился к выходу. Из-под его ног взметнулись грязные брызги. Коломба схватила беглеца, но тот укусил ее за руку. Тогда она подставила ему подножку, и он ничком упал в снег.

— Ну-ка, хватит дурачиться, — сказала она. — Я тебе ничего плохого не сделаю. Я только хочу знать, кто... — Слова замерли у нее на губах.

Снег вокруг парнишки стал алым.

4

Коломба в панике опустилась на колени рядом с парнем. Он обо что-то ударился? О камень? Об утварь, что валяется кругом?

— Где ты поранился? Дай посмотреть.

Парень перевернулся на спину и уставился на нее бессмысленными, широко распахнутыми глазами.

«Он в шоке, скоро потеряет сознание от потери крови».

Коломба расстегнула молнию на его олимпийке.

Под ней оказалась футболка, пропитанная начинающей сворачиваться кровью.

Не обращая внимания на невнятные жалобные стоны парня, Коломба задрала ее, чтобы осмотреть его живот. Никаких повреждений. Он попытался отползти, но она на всякий случай ощупала его, а потом решительно перевернула на живот и осмотрела спину: ран не оказалось ни на спине, ни на ногах.

Коломба оправила на пареньке одежду. Кровь принадлежит не ему. Хорошо.

«Ты так уверена, что это хорошо?»

Она помогла парню подняться, и тот, пошатываясь, встал.

— Еще раз попытаешься сбежать, и я с тобой церемониться не стану, ясно? — сказала она. — Пошли в дом, пока я не умерла от холода.

Парень не двигался.

— Домой. — Коломба махнула рукой в сторону дома. — Туда.

Парень даже не взглянул в указанном направлении. Коломба взяла его за руку и, не обращая внимания на его попытки вырваться, потащила в кухню, которая также служила ей столовой и занимала половину нижнего этажа: когда-то здесь был хлев, сооруженный под спальней хозяев, чтобы животные согревали ее своим теплом. Стены покрывали пятна, а пыльная мебель принадлежала доикеевской эпохе. На трехногом табурете в кухне стоял беззвучно передающий новости переносной телевизор. Его Коломба не выключала никогда.

Укутав парнишку в покрывало, она взяла с буфета беспроводной телефон, чтобы позвонить в ближайший полицейский участок, и нисколько не удивилась, когда выяснилось, что линия временно не работает. Кабели тянулись к довоенной подстанции через километры роц и полей. Короткое замыкание мог вызвать любой плевков, не говоря уже о таком снегопаде. Местные пользовались мобильниками и рацией, но у Коломбы не было ни того ни другого.

Она раздраженно посмотрела на парня.

Коломба снова спросила, как его зовут, но он на нее и не взглянул. Глухой, что ли? Она уронила ложку, и парень вздрогнул. Нет, не глухой. Просто ее не слушает.

— Если будешь молчать, мне придется проверить, нет ли при тебе документов. Хорошо? — спросила она. — Ладно, молчание — знак согласия.

Парень послушно вытерпел личный досмотр, отстраняясь, только когда Коломба дотрагивалась до его кожи, и потирая место касания, будто она его испачкала. В карманах у него не нашлось ни бумажника, ни удостоверения личности, но под обшлагом оказался зеленый пластиковый браслет.

«Привет, меня зовут Томми, и я аутист. Мне не нравится говорить и не нравится, когда ко мне прикасаются. Если вы нашли меня без присмотра, пожалуйста, позвоните по этому номеру».

Коломба мысленно обозвала себя тупицей.

— Привет, Томми. Очень приятно... Прости, что сразу не поняла.

На внутренней стороне браслета была такая же надпись на греческом. Домики на холмах Марке стоили куда дешевле, чем в Тоскане, и их нередко приобретали иностранцы. Должно быть, к их числу относились и родители Томми. На браслете были указаны также бесполезный телефонный номер и домашний адрес — в нормальных условиях деревня Монтенигро находилась в часе ходьбы. Сложно сказать, сколько мог занять этот путь в шлепанцах во время снегопада.

— Как ты сюда попал? Кто-то тебя сопровождал и поранился? — спросила Коломба, но вопрос, как всегда, остался без ответа.

Она села в другом углу дивана, чувствуя себя такой усталой, словно последний час длился не меньше суток. Ей ужасно хотелось снова лечь спать.

Но рядом сидел Томми. Со своим браслетом.

— Лучше бы я дала тебе сбежать, — сказала она. — И пусть бы кто другой с тобой возился.

Снова надев парку, Коломба вышла из дому, чтобы завест старенькую «Панду 4x4». С тех пор как она в последний раз ездила на ней за продуктами, прошло уже три недели, но, стоило ей подключить к батарее аварийный аккумулятор, стартер завелся.

Пока двигатель прогревался, Коломба достала из багажника цепи противоскольжения и установила их на колеса, едва не отморозив руки. То и дело она, матерясь, заглядывала в дом, чтобы посмотреть на Томми. Тот выпростался из-под покрывала и продолжал сидеть на диване, ссутулившись и словно совершенно не замечая холода. Коломба смутно припомнила, что это — один из симптомов аутизма. Ей Данте рассказывал.

Надев на колеса цепи, она затащила Томми в машину, пристегнула его двумя ремнями безопасности на заднем сиденье и выехала на подъездную дорожку.

Руки у нее вспотели. Миновав дом ближайшего соседа — тихого, одинокого пчеловода, живущего в двух километрах от нее, — Коломба выехала на безлюдную местную дорогу. Казалось, ее забросило на чужую ледяную планету. Ей стало трудно дышать, живот свело судорогой, и все ее тело покрылось холодным потом.

Коломба поставила машину на ручник и спрыгнула в снег. Неотрывно глядя на лазурную брешь в небесах, она попыталась успокоить дыхание.

«Всего несколько километров. Ничего не случится», — уговаривала она себя, но знала: что-то уже случилось.

5

Томми постучал по стеклу, и Коломба встряхнулась.

— Ладно-ладно, поняла, — сказала она.

Еще пару раз набрав полные легкие холодного воздуха, Коломба вернулась за руль. Томми не переставал стучать по стеклу остаток поездки. Дорогу покрывал лишь тонкий слой снега, и цепи пулеметной очередью грохотали по асфальту. На развилке перед Монтенигро расположился КПП карабинеров: две машины по обеим сторонам дороги и раздурявшиеся на морозе военные с автоматами.

Коломба затормозила. Томми с пронзительным воплем распластался на заднем сиденье.

— Томми, тебе нечего бояться. Наверное, произошел какой-то несчастный случай, — без особой уверенности сказала она, обернувшись к пареньку. — Подожди меня здесь, хорошо?

Заперев его в машине, она подошла к кучке карабинеров. Среди них была кудрявая рыжеволосая девушка, железом регулирующая несуществующее движение.

— Госпожа, вам придется развернуться. Дорога закрыта.

Коломба взглянула на ее знаки различия:

— Добрый день, старший капрал. Что случилось?

— Рядовая операция, госпожа, — ответила рыжая. Тон ее ясно давал понять: «не твое собачье дело». — Придется вам добираться в объезд.

— Может быть, вы сможете мне помочь. Я нашла потерявшегося парнишку. Его зовут Томми Мелас. Он аутист, и его нужно как можно скорее вернуть родителям.

— Подождите здесь.

Старший капрал убежала, а через несколько минут вернулась с высоким плешивым мужчиной лет пятидесяти с седой бородкой. На нем был рваный охотничий костюм, но у Коломбы не возникло никаких сомнений, что он тоже военный. Прежде чем протянуть ей руку, мужчина долю секунды поколебался, и она поняла, что он ее узнал.

— Меня зовут фельдфебель Лупо, я начальник участка в Портико.

— Коломба Каселли, но мое имя вам и без того известно.

— Где ваша охрана, госпожа Каселли?

— У меня нет охраны, — поспешно сказала она. — Послушайте, этот парень пришел ко мне домой пешком! Ему повезло, что он не умер от холода, но будет лучше показать его врачу.

— А вы живете...

— В Медзанотте. Я закрыла его в машине, потому что боюсь, как бы он себе не навредил, а еще потому, что у него одежда перепачкана в крови. Очень сильно.

Коломба показала на сидящего в машине парня. Не ведая о происходящем, Томми продолжал ритмично стучать по стеклу.

Лупо с недовольным видом пригладил бородку:

— Послушайте, госпожа Каселли. Я буду краток. Сегодня ночью родителей Томми убили.

— Господи... — выдохнула она.

— Нас вызвали два часа назад, и мы сразу объявили его в розыск. Спасибо, что сэкономили нам немного времени.

— Это чистая случайность.

— Вы не могли бы подождать меня, пока я разберусь с парнем? — Лупо показал на старую табачную лавку на повороте дороги. Заведение, как часто бывает в небольших деревушках, также служило кафе-молочной. — Выпейте кофе, я угощаю.

— Насколько я понимаю, выбора у меня нет.

— Думаю, вы знаете это не хуже меня.

Так и было. Коломба послушно направилась в кафе, но вместо кофе заказала чай с лимоном и устроилась за единственным столиком рядом с маленькой витриной. Трое пожилых посетителей обсуждали происшествие на местном диалекте, а продавщица-азиатка переписывалась с кем-то, уткнувшись в телефон.

Коломба увидела, как вдалеке на дороге появился окруженный мягко подталкивающими его карабинерами Томми. Внезапно парень толкнул девушку-капрала на землю и рванулся вперед, но вместо того, чтобы сбежать, запрыгнул в машину «скорой помощи» и забрался внутрь. Больше Коломба ничего не видела, пока не показался Лупо с большим мешком, где лежала одежда паренька. Она снова опустила глаза на свою чашку.

Через десять минут Лупо вошел в кафе и подсел к ней.

— У Томми все нормально, — сказал он.

— У него есть родственники поблизости?

— Насколько нам известно, нет. Сейчас мы отвезем его в агротуристический комплекс в Карточето, где он побудет, пока мы не найдем для него пристанище получше. — Лупо заказал кофе, и продавщица сварила его, не отрывая взгляда от телефона. — Он совершеннолетний, но оставить его одного мы, разумеется, не можем.

Коломбе вспомнились испуганные глаза парня. Ей стало его жаль, хотя в последнее время у нее вошло в привычку жалеть только себя саму.

— Как я понимаю, в момент убийства он был дома, — сказала она.

— По всей вероятности, да. И убежал прямо в домашних тапках. Когда вы его нашли, он вам ничего не говорил?

— Нет, даже имя не назвал. Не уверена, что он вообще умеет говорить.

— А раньше вы его когда-нибудь встречали? Знали его родителей?

— Нет.

— И я тоже не знал. Они держались особняком. — Лупо надел очки для чтения, расстегнул куртку, под которой показался пуловер с узором из осликов и сомбреро, и достал из кармана лист бумаги. — Его мать звали Тереза, она была родом из Турина. А ее мужа-грека звали Аристид, — сказал он, сверяясь с записями. — Томми — сын Терезы от первого брака. Фамилия его отца — Карабба, но он умер, когда мальчику было лет пять-шесть. Сейчас Томми девятнадцать.

Коломба остановила его, подняв ладонь:

— Спасибо. Но меня это не касается.

— Тут вы, пожалуй, несколько ошибаетесь. — Лупо повозился со стареньким айфоном и протянул его Коломбе. — Вот в каком виде мы сегодня нашли комнату Томми.

На снимке виднелось только изголовье кровати и увешанная фотографиями стена. Она увеличила картинку: на всех фотографиях был запечатлен один и тот же человек.

Она, Коломба.

Б

Не говоря ни слова, Коломба вернула Лупо телефон.

«Опять двадцать пять», — подумала она. Еще больше помрачнев, она принялась жевать размякший в чае лимон. А она-то надеялась, что одержимые поклонники остались в прошлом.

Лупо внимательно наблюдал за выражением ее лица:

— Вы не кажетесь удивленной, госпожа Каселли.

— После бойни в Венеции я превратилась в знаменитость. А некоторые фанаты Данте даже считают, что это я приложила руку к его исчезновению.

— Да, я, кажется, что-то об этом читал. В мире полно психов.

— По мнению Данте, семьдесят процентов населения — психи. А среди тех, кто носит форму, их и вовсе сто процентов, — с печальной улыбкой добавила она.

Лупо сочувственно поморщился:

— Этот Торре, должно быть, был отличным парнем.

— И до сих пор им является, — отрезала Коломба и чуть спокойней добавила: — Не знаю, где он, но он жив.

— Конечно, простите. — Фельдфебель участливо улыбнулся. — По словам соседей, Томми почти никогда не говорит, но если пожелает говорить, то может изъясняться, как ребенок.

— Вам нужен специалист. В Риме я была кое с кем знакома, но здесь даже не представляю, кого вам посоветовать.

Лупо виновато улыбнулся:

— А вы сами не хотите попытать удачи?

— Мой долг заключался в том, чтобы отвезти его к кому-то, кто сможет о нем позаботиться, и я его выполнила. На этом мое участие в деле окончено.

— Парень вами восхищается. Может, с вами он все-таки поговорит. Любая дополнительная информация нам бы очень пригодилась.

Коломба стиснула чашку в руках:

— Даже если бы Томми мне что-то рассказал, его показания ничего не стоят. Если у него действительно тяжелая форма аутизма, то он юридически недееспособен.

— Но показания парня помогли бы нам найти виновных в убийстве. А раз уж вы оставили службу, вам, в отличие от меня, не понадобится дозволение начальства, чтобы с ним побеседовать.

Вспомнив свои фотографии на стене, Коломба вздохнула:

— Криминалисты уже провели экспертизу места преступления?

— Нет. В такую погоду даже не знаю, когда они сюда доберутся.

— В таком случае, прежде чем снова встретиться с Томми, я хочу взглянуть на дом, — сказала она для очистки совести, надеясь, что Лупо ей откажет.

К сожалению, он не отказал.

7

В сопровождении Лупо Коломба впервые с детства оказалась в центре Монтенигро. Многие дома этой деревушки романской эпохи опустели и постепенно превращались в развалины. Жили здесь по большей части пенсионеры, которые подрабатывали, продавая найденные в лесу

трюфели. Сейчас все они, рискуя получить обморожение, высыпали на улицу полюбопытствовать, что происходит. В деревне было и несколько новых вилл в стиле миланских предместий. К ним относился и выкрашенный охряной краской дом Меласов с просторной верандой, поддерживаемой аляповатыми колоннами из искусственного мрамора.

За двухцветной лентой, перекрывающей подступы к дому, переминались с ноги на ногу несколько замерзших военных. Пожилой бригадир поднял ленту, пропуская их на участок, и Коломба машинально полезла в карман за полицейским жетоном. Разумеется, никакого жетона там не было: в свой последний день в Риме она швырнула его в стену кабинета, едва не попав в голову начальнику мобильного подразделения. Возможно, ее жетон расплавили или раздавили прессом. Она понятия не имела, какая судьба уготована удостоверениям сотрудников, вышедших в отставку.

Они надели латексные перчатки и бахилы, достав их из картонной коробки, лежащей на ступенях перед входом.

— Есть следы взлома? — спросила Коломба.

Лупо покачал головой:

— Я ничего такого не видел.

Снова густо повалил снег. В водосточных трубах журчало, окна походили на бельма слепца. Пройдя через заваленную обувь и зонтами прихожую, они попали на кухню. В мойке валялась бутылка минералки с почти полным отпечатком окровавленной руки. В таких же отпечатках был и холодильник, а на полу темнели кровавые следы босых ног. Коломба не сомневалась, что это следы парнишки.

— Ну и бардак, — пробормотала она.

— Да, Томми набедокурил. Отпечатки пальцев принадлежат ему, мы проверили, пока его переодевали.